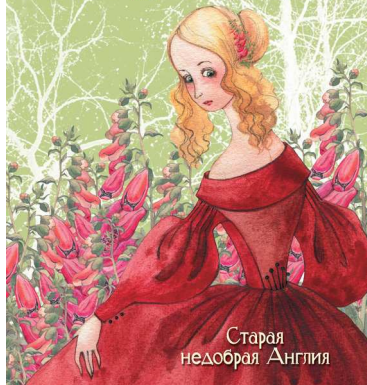

Екатерина Кюфти
Елена Клемм

ЗАГОВОР
ПРИЗРАКОВ

Старая
недобрая Англия

Екатерина Коути
Елена Клемм
Заговор призраков
Серия «Жемчуг проклятых», книга 2

Издательский текст
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=7073876
Заговор призраков: АСТ; М.; 2014
ISBN 978-5-17-079082-1

Аннотация

Агнесс Тревельян становится свидетельницей покушения на жизнь королевы Виктории. Королева уцелела, злоумышленник скончался на месте, но Агнесс благодаря своему сверхъестественному дару успевает заметить: несостоявшимся убийцей управлял призрак в монашеском облачении! Только у пастора Джеймса Линдена, опекуна Агнесс, достаточно навыков для охоты на нежить, однако они даже не подозревают, какая страшная сила им противостоит. Расследование приводит то в Бедлам, знаменитую лечебницу для душевнобольных, то в покои премьер-министра, то в Букингемский дворец. Но какую цель на самом деле преследует таинственный монах и кто из смертных добровольно вступил в заговор призраков?..

Содержание

Пролог	5
Глава первая	10
1	10
2	16
3	21
4	24
Глава вторая	27
1	27
2	29
3	32
4	33
5	38
Глава третья	39
1	39
2	44
3	47
4	48
Глава четвертая	51
1	51
2	55
3	61
Конец ознакомительного фрагмента.	65

Екатерина Коути, Елена Клемм

Заговор призраков

© Е. Коути

© Е. Клемм

© ООО «Издательство АСТ»

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

© Электронная версия книги подготовлена компанией ЛитРес (www.litres.ru)

А видишь ли обманный путь
Меж лилий, что цветут в лесах?
Тропа Неправедных. Не верь,
Что это путь на Небеса.

В. Скотт. Томас Рифмач¹

¹ Перевод Н. Прохоровой.

Пролог 8 ноября 1842 года

Блеклый утренний туман обволакивал Лондон, и ландо, свернувшее на аллею Грин-парка, рассекло надвое мягкую пелену. Совсем еще свежий туман не успел пропитаться дыханием города, вызреть, выцвести до грязно-желтого цвета. Лондонский туман обычно сравнивали с гороховым супом, но сейчас он больше напоминал слабый чай, щедро разбавленный молоком, и вязы вдоль аллеи казались медленно кружившими чайниками.

Чашка горячего чая грезилась и кучеру, поплотнее натянувшему цилиндр, чтобы стылый воздух не охлаждал лысину, и супружеской чете в коляске с поднятым верхом. Ничто так не сближает, заставляя прижиматься плечом к плечу, чтобы сохранить драгоценное тепло, как ноябрьское утро. Но молодые супруги отсели так далеко друг от друга, что фалды фрака не касались юбок из синей тафты. На пустовавшем между ними сиденье уместились бы оба их малютки, а также борзая Эос и ее скайтерьеры.

Супруги ссорились.

Джентльмен крепко стиснул зубы. Темные бакенбарды, обычно льнувшие к щекам мягкими завитками, негодующе топорщились. Когда жена выпростала из муфты пухленькую ручку, он отклонился в сторону и хранил напряженную позу, пока рука не юркнула обратно. Голубые глаза его налились свинцом, как небо перед грозой, которая все никак не разразится, лишь рокошет на горизонте. Он был не мастак метать молнии. Зато изводить ожиданием у него получалось хорошо.

Так же хорошо, как планировать.

«Ordnung, Ordnung!» – говаривала грессмуттер Августа. Порядок важен. Порядок – не что иное, как известковый раствор, скрепляющий шаткие кирпичики бытия. Он, Альберт, почитал себя рыцарем порядка.

Об этом он поставил жену в известность, как только отзвонили свадебные колокола. Вымуштровал прислугу, распутившуюся за те суматошные годы, когда хозяйством заправляла гувернантка его будущей супруги. Навел порядок и в Букингемском дворце. Подумать только, несколько месяцев там прятался мальчишка-оборванец! Таскал объедки из кухни и рылся в бумагах. Если бы он, Альберт, не устроил тогда облаву, негодник годами оставлял бы на простынях отпечатки немывтого тела. Только его стараниями дармоеда выловили и препроводили в тюрьму. Все это мелочи, конечно, но не из таких ли простых нот создается симфония – симфония порядка, где каждый инструмент вступает в должное время?

Еще вчера ему казалось, что сидит он хотя и не на троне, но одесную от трона, в прочном дубовом кресле с удобными подлокотниками. Того, что у кресла подпилена ножка, Альберт никак не ожидал. Потому и спасовал перед натиском хаоса. А кто бы не спасовал, если спозаранку жена врывается в спальню – в одном пеньюаре, заметьте! – и спрашивает, сумеет ли он одеться без помощи камердинера? Как тут не возмутиться?

Скомканное расписание дня взывало к отмщению.

– Если я попрошу прощения, вы перестанете на меня дуться? – спросила супруга. – А хотите, я назовусь вашей маленькой глупой женушкой?

Стратегия, выручавшая ее два года, сработала безошибочно.

– Я не дуюсь на вас, – нарушил он молчание, бережно хранимое уже двадцать миль. – Но я не понимаю, Виктория, почему нам нужно было покинуть Виндзор, да еще столь скоропалительно! Не могли же вы, в самом деле, забыть, что завтра день рождения Малыша. К приезду гостей ни-че-го не готово. Лакеи не выказывают усердия, в кухне расхлябанность невообразимая... А ведь нас почтит своим присутствием ваша матушка.

- Мама и так найдет, к чему придраться.
- И все же...
- У меня возникли неотложные дела.

В любое другое время жена казалась ему красавицей, бережно сотворенной из благородных материалов – тончайший атлас для кожи, аквамарины для глаз, а золотистый шелк пригодился для волос, заплетенных в косы и уложенных вокруг изящных, как перламутровые раковины, ушей. Но сейчас он не мог не отметить, что глаза навывкате, скудно обрамленные ресницами, и длинная верхняя губа придают ее лицу несколько туповатое выражение овечьего упрямства.

– Я подумываю о том, чтобы отменить завтрашний парад лорда-мэра, – заявила королева – а это была именно она.

– Этого еще не хватало! Если вы отмените парад, ваш народ, того и гляди, учинит очередной мятеж, а вместо позолоченных барок пустит по Темзе тела констеблей.

В свое время принц-консорт методично изучил историю Британии, и она поразила его кровожадностью. Какой контраст с его родиной, где чинно текла речка Иц и олени задевали рогами ветви елей...

...И где главным событием трех веков, включая нынешний, была не революция, а развод его родителей...

Если представить историю герцогства Саксен-Кобург-Готского в виде книги, получился бы аккуратный томик в сафьяновом переплете. История Британии была растрепанным фолиантом. Строки начинались одним почерком и заканчивались другим, страницы были подозрительно липкими. Только в XIX столетии на них появилась правильная нумерация, выровнялся шрифт, исчезли похабные комментарии с полей. Но в любой миг на эти страницы может брызнуть кровь...

– Я же не говорю, что отменю. Просто подумываю. Все дело в письме. Очень гадком письме, которое я нашла в своей спальне.

- Отменять парад из-за какого-то шантажиста? Хотя бы покажите мне это письмо.
- Я показала бы его вам, ангел мой, если бы оно не сгорело.
- Молю вас, говорите потише, – шикнул на жену Альберт, переходя на немецкий.

Туман понемногу рассеивался, и на аллее показались первые прохожие. Со стороны Эпли-хауса семенила рыжеволосая особа, одетая не по погоде. Капор у нее отсутствовал, а шерстяное платье в синий цветочек было совсем простого кроя, вроде тех, какие женщины надевают поутру, но меняют к обеду – если, конечно, могут позволить себе такую расточительность. Единственной защитой от стихий служила шаль, старенькая, с куцей тесьмой, но расшитая мелкими жемчужинами.

Ах, нет, это всего лишь капли осевшего тумана.

Навстречу особе в платье с незабудками шел, покачиваясь, долговязый мужчина, бледный, как клубившийся вокруг туман. Принца покорило от неприглядного зрелища, и не его одного. Подхватив юбки, девица выскочила на дорогу наперерез ландо и бросилась на другую сторону. Внезапный маневр испугал лошадей. Они отозвались негодующим ржанием, и кучер что-то прорычал, но принц одобрил ее осмотрительность.

Несмотря на ранний час, мужчина был пьян вдрызг. «Пьян, как лорд», – говорят в таких случаях англичане, но странный тип ничуть не походил на лорда. Вытертый до рыжины сюртук был расстегнут, являя взору жилет грязно-желтого цвета, а выдавший виды шарф понемногу разматывался, пока не соскользнул в лужу. Там он и остался лежать, как вялая, уставшая от жизни змея, потому что владелец даже не заметил пропажи.

Потешно запрокинув голову, он начал заваливаться назад, но в последний момент удержал равновесие, замахав руками. Ноги сами собой выписывали кренделя, но он гнал их вперед усилием воли.

– Что значит – письмо сгорело? Вы его сожгли?

– Нет, письмо само собой вспыхнуло в моих руках. Необычайное зрелище! – восхитилась королева, хоть и была порядком раздосадована.

– Значит, бумага была пропитана ксилоидином. Наш наставник, герр Флоршутц, как-то раз показывал нам с Эрнстом похожий эксперимент. Ничего сложного. Нечему даже удивляться. Как жаль, что ваша гувернантка Лецен не удосужилась познакомить вас с естественными науками. Хотя куда уж ей.

– Нет, письмо было необычным. Послушайте! Этот несчастный что же, пьян?

Пока супруги беседовали, незадачливый тип вытаскивал из-за пазухи скомканные листы и тарасился на них, словно они без его ведома забрались к нему под рубашку. Затем широким жестом пускал их по ветру.

– Прикажете прогнать, ваше величество? – обернулся кучер.

– Не нужно. Беспорядок должна устранять полиция. У каждого из нас свои обязанности. – Виктория надменно вскинула голову.

– Так что же с письмом? – напомнил муж.

– А, вы все о письме, мой ангел. Когда оно горело, я почувствовала запах серы, – королева помолчала, но добавила убежденно: – Я знаю, письмо прислали чудовища.

– Чудовища? – переспросил принц.

Он собирался уточнить, кому предназначен нелюбезный эпитет – ирландским фениям или головорезам Акбар-хана, еще в апреле разгромившим английские войска под Кабулом, а может, и чартистам, которые вновь учинили забастовку, но умолк на полуслове.

Ах, вот оно что. Другие чудовища.

Те, которыми ее запугивал прежний премьер-министр, утверждая над юной королевой свою власть. Глубоко же въелись в память эти небылицы. Уже пять лет правила она растущей империей, и правила успешно, но корона отягощала женскую голову, и женское сердечко трепетало под парадной мантией. А женщинами сподручнее всего управлять с помощью страха.

– Хорошо, кем бы ни был аноним, давайте сообщим о письме Пилю, – процедил принц, наблюдая, как пьянчужка согнулся пополам, чтобы извергнуть на обочину содержимое желудка.

Ворча, кучер развернул карету на середину дороги. Королева тоже поморщилась – ну и картина!

– Нет, не нужно мне сэра Роберта, – заупрямилась она, нервно перебирая руками в муфте. – Я хочу видеть дорогого лорда М. Мне доложили, будто на днях лорд М. вернулся из Брокет-холла.

– Вы расстроены и сами не знаете, что говорите.

«А ты как думал? – завело привычную песню самолюбие, запуская зубы в его и без того израненную душу. – Чуть что не так, она побежит за помощью к нему, не к тебе. Потому что ни во что тебя не ставит. Ты для нее помощник по хозяйству. Мажордом имперского масштаба».

– Старик совсем плох после удара, едва ли он даст вам хороший совет. Да и в прежние времена от его советов было мало проку.

– Зато как хорошо, как весело было нам с лордом М., когда по вечерам, покончив с государственными делами, мы садились рядышком на диване, сплетничали, ругали мою маму, – мечтательным речитативом проговорила Виктория. – Мне не нужен совет, мне нужно его утешение.

– Для этого господь даровал вам мужа... О боже!

Пьяницу не тошнило. Он готовился к прыжку.

Как только лошади поравнялись с ним и слякоть из-под копыт брызнула ему на сюртук, он рванул вперед. От пьяных подергиваний не осталось и следа. Он вполне владел своим телом и сейчас, похоже, замыслил недоброе. В следующий миг он швырнул скомканную бумагу перед лошадиными мордами, словно рис перед каретой новобрачных. Лошади шарахнулись в сторону, скользя копытами по мокрой мостовой. Раздавшийся непонятно откуда крик слился со скрипом натянутой до предела подпруги. Ландо заходило ходуном, кучер качнулся вбок, уронил кнут и сам едва не вывалился на дорогу. Цепляясь за край облучка, приподнялся на полусогнутых руках – и вновь рухнул.

Убийца направил на седоков пистолет. Дуло плавно подрагивало, словно рисуя в воздухе полумесяц. Казалось, убийца не может решить, в кого из двоих выстрелить. Но супруги были не из тех, кто заворожено смотрит смерти в глаза. Они одновременно пригнулись, на мгновение опередив выстрел. Пуля просвистела над бархатным капором, опалив шелковые розы на тулье, и рассекла кожаный верх экипажа. Спину принцу кольнула струйка ледяного воздуха.

Прижимая к себе жену так крепко, что сквозь бархатную пелерину он чувствовал каждую косточку ее корсета, принц Альберт осторожно приподнял голову. И встретился глазами с убийцей. Но вместо иступленной злобы, как у прочих злодеев, искавших славу таким путем, прочел в его глазах смертную муку. Отшвырнув пистолет, убийца сорвал с себя манжету и принялся отчаянно тереть узкий лоб, блестящий от испарины. Его лицо приобретало оттенок перезрелой сливы.

– Так жарко, – всхлипнул он, обиженно кривя рот.

Крутанулся, как волчок, и осел на руки кучеру, прибежавшему вязать его. Стыдясь своей нерешительности, тот проявил двойное рвение, встряхивая негодя за плечи и хлопая по щекам.

– Вы целы, Виктория? – обернулся принц к жене.

– Цела, – отвечала она, ощупывая опаленный капор.

От выстрела встрепенулся сонный Грин-парк. Со стороны Пэлл-Мэлла уже бежал полицейский, придерживая на ходу цилиндр, вслед за ним припустили двое мальчишек-подметальщиков с метлами на плече. Чуть приотстав, ковыляла любопытная торговка с корзиной, полной апельсинов.

– А что со злодеем? В обмороке?

– Мертвехонек. Повезло ему, что от страха сердце отказало, – свирепствовал кучер, придерживая обмякшее тело. – А то бы вздернуть его перед Ньюгейтом другим в науку.

– Подобное варварство недопустимо, – осадил его Альберт. – Есть ли свидетели? – обратился он уже к полицейскому, который, откозыряв августейшей чете, принял у кучера труп.

– Только одна барышня, ваше королевское высочество, – отрапортовал тот и указал на вяз через дорогу.

Из-за кряжистого ствола виднелся край платья, усыпанного мелкими незабудками. Когда ее окликнули, девица показалась целиком. Она, видимо, задержалась посмотреть, как чудит незнакомец, вот только вместо пьяного куража на ее глазах совершилась государственная измена. Девушка разевала рот, силилась закричать снова, но каждый раз давилась криком.

– Подойдите, моя дорогая, – приказала ей Виктория, и девушка покорно заскользила к ней по слякоти.

Ее личико навевало мысли о ржаном поле – широкие светлые брови, глаза, как васильки среди колосьев, – и производило в целом благоприятное впечатление.

– Возьмите пример с вашей королевы, – сказала ей Виктория. – Она преодолела свой страх, чего и вам желает.

Поняв, с кем имеет дело, девушка сделала шаткий реверанс, а может, просто не совладала с ногами.

– Этот гадкий человек уже никому не причинит вреда.

– Д-да, ваше величество. Но как быть с тем, вторым?

Альберт торопливо оглянулся. Полицейский был слишком занят осмотром тела, которое кучер, проявив смекалку, оттащил подальше от королевской кареты. Остальные зрители, а их с каждой минутой все прибывало, тоже обступили труп. Один из мальчишек тыкал в него метлой. Вряд ли кто-то услышал голосок девушки, тихий, как писк мыши под половицей.

– Если вы видели его сообщников, вы обязаны поведать мне о них, – вполголоса проговорил принц, перевешиваясь через лакированный бок ландо. – Я сумею защитить вас от злодеев.

– Не сумеете... потому что вы мне не поверите.

– Отчего же?

Лицо девушки вдруг исказилось, и, проследив за ее взглядом, принц с удивлением отметил, что она смотрит на пальцы королевы, крепко стиснувшие муфту. Муфта была самой обыкновенной, котиковой, но девица взирала на нее так, будто на ее глазах мучили живое существо. Эта ее милая странность окончательно вывела Альберта из себя.

– Говорите!

– Его сообщник не человек, – выдавила девушка. – Это призрак. Он только что... он вышел из тела несчастного. И исчез.

– От жестокого потрясения у вас смешался ум, – медленно и отчетливо произнес принц. – Смею надеяться, состояние это временное. Констебль препроводит вас в участок, где вы восстановите силы, после чего доложите мне – лично мне, я понятно выразился? – что же вы видели на самом деле. Я имею в виду людей, а не... Gespenster.

– Нет, свидетельница поедет с нами в карете. Помогите ей, мой ангел.

Принц подался назад, словно ему предложили поправить подушку прокаженному.

– Нам же неизвестно, кто ее родители. Ее пребывание в нашем экипаже недопустимо!

– Сейчас не время сверяться с «Книгой пэров Дебретта». Вы слишком церемонны, мой ангел, тогда как чудовищам неведом этикет. Помогите же девушке.

Закусив губу, принц толкнул дверцу. Правую руку он протянул девице, топтавшейся в нерешительности, а левую убрал за спину и сжал в кулак.

Но лучше уж выполнить просьбу, пока это еще просьба, а не приказ, которому он обязан будет подчиниться. Он ведь тоже подданный своей жены. Об этом ему напомнили перед свадьбой, и напомнили основательно! Обсуждался вопрос, должен ли он преклонить колено во время венчания и, вдобавок к обетам, принести государыне присягу. Он – своей жене!

«Бог вручил мужьям власть над женами, но твое имя вычеркнул из списка, – злорадствовало самолюбие и упивалось обидой, потому как больше упиваться было нечем. – Карманный ты муж. Пустое место во фраке».

А когда Альберт присел рядом с женой, Виктория шепнула:

– Как прибудем, пошлите за лордом Мельбурном. Он знает, как справиться с чудовищами. Только он один.

Глава первая 7 ноября 1842 года

1

Свою первую встречу с королевой Агнесс Тревельян представляла несколько иначе. Что и говорить, пред взором государыни провинциальная барышня трепетала бы в любом случае, но Агнесс рассчитывала на трепет иного рода, вызванный причинами отнюдь не потусторонними.

Не далее как вчера, когда Агнесс вкушала полуденный чай в ризнице, средоточием ее страхов был шлейф. Из белого атласа, длиной в три ярда.

Тот самый шлейф, который поползет за ее платьем, когда она прибудет во дворец Сент-Джеймс, чтобы быть официально представленной королеве.

Тот самый шлейф, который обовьется вокруг ее ног, подобно удаву, после чего она хлопнется оземь и навлечет позор на себя и свою семью. Шутка ли – прошестьвовать к трону, а затем пятиться к дверям, перебросив шлейф через руку! Такой трюк под силу гимнасткам, что развлекают публику на ярмарках, вальсируя на ходулях. Ей же природа отказала в грациозности.

Заменой шлейфу во время домашних репетиций служил кусок холста, пришпиленный булавками к юбке, а плюмажем служила перьевая метелка горничной Дженни. Но если даже с такой нехитрой утварью хлопот не оберешься, как же придется помучиться с настоящим придворным платьем!

– Не поеду, – простонала Агнесс, отталкивая чашку, но осторожно, чтобы не расплескать чай.

– Поедешь как миленькая.

– Нет! Ни за что.

– Да. Сразу, как только потеплеет.

Мистер Линден сгорбился за конторкой, заваленной ворохом бумаг, и высчитывал десятины. Сначала нужно изучить приходскую карту, испещренную цифрами, затем свериться с толстой тетрадью, где приведены сведения о плательщиках: их имена, род занятий, площадь земельного надела и тип посевов – луга или пастбища, рощи или сады, поля пшеницы или хмеля. Для каждого хозяйства была высчитана точная сумма десятины, но тут-то и начиналась морока. Не всяк желал расставаться со своими кровными. Случались даже беспорядки, когда прихожане швыряли в блюстителей душ кирпичами.

На сей счет Агнесс не волновалась. Прежде чем подступить к ректору, жителям Линден-эбби понадобится собрать воз, доверху полный бузины. Да, пожалуй, и еще один, с холодным железом. Но, даже укрывшись за баррикадой, они вряд ли посмеют повисить на ректора голос. Кому охота приглядываться к грядкам со шпинатом, опасаясь появления загадочных кругов?

Однако боязнь колдовства не мешала прихожанам изводить ректора бумажной волоки-той. Бумага действовала на человеческую сторону его природы так же болезненно, как бузина – на волшебную. Против бумаги бессильны и люди, и фейри. На третий день изучения долговых расписок, сдобренных жалостными, но избыточными деталями, мистер Линден готов был рвать на себе волосы. А этого Агнесс никак не могла допустить. Она украдкой любовалась его волосами – черными, блестящими, очень жесткими, словно крылья ворона, летя-

щего сквозь метель. Вот и сейчас несколько прядей упало ему на лоб, высокий и бледный, на котором никогда не проступает загар.

Неловко повернувшись, мистер Линден задел локтем стопку листов, и они соскользнули с конторки, но не упали на грубо отесанные камни, а зависли в воздухе, пока он не подхватил их и не швырнул обратно.

Как же она раньше не замечала, насколько он красив, подумала Агнесс.

Зато его непреклонность с первых минут знакомства бросилась ей в глаза.

– Нет, не поеду. Ну, сэр, ну, как вы не понимаете!

– ...десять фунтов и девять шиллингов... Без возражений, дитя мое.

Такое обращение обычно приводило Агнесс в чувство. На этот же раз эхом ему стало не «да, сэр», а сердитое сопение. В Сочельник ей исполнится восемнадцать, так что никакое она ему не дитя. И даже не племянница.

– Почему, собственно, я должна ехать в Лондон во время Сезона? – Агнесс с хрустом сломала печенье «дамский пальчик».

Ризницу, где витали запахи старинной кожи да лаванды, уберегавшей стихари от моли, наполнил терпкий аромат гвоздики.

– ...более поздние долги я уже, конечно, не могу затребовать, но за последние шесть лет – запросто. Берегитесь, мистер Скворелл... А почему бы тебе туда не съездить?

– В последней проповеди вы назвали Лондон Новым Вавилоном.

– Но ты же поедешь не срывать цветы удовольствий, – парировал мистер Линден, между делом заменяя огрызок пера свежим.

– Не ради удовольствий? Но зачем же тогда?

– Блистать во время Сезона – долг благородной барышни.

– Я-то думала, что быть представленной ко двору – скорее почесть.

– Почести суть то же самое, что и долг.

– Как это? – удивилась Агнесс.

– Возьмем за образец парад лорда-мэра, на который мы в этом году, увы, не попадаем.

Сама подумай, кому приятно громыхать в позолоченной колыхаге, а затем плыть по Темзе до Вестминстера на средневековой барке, медленной, как дохлый Левиафан? Однако ежегодный парад – почетная обязанность лорда-мэра и гильдий. Вот и ты, следуя их примеру, поцелуешь руку королеве и поставишь ее в известность о своем существовании. Это твой долг, Агнесс. От долга не отнекиваются.

На блюде из кремового фаянса высился курган искрошенного печенья.

– Вы настолько уверены, что ее величество меня примет? Я же не Линден! Сами посудите, сэр, при дворе принимают дочерей и жен пэров, а я простолюдинка.

– Ты знаешь не хуже моего, что выходцы из джентри тоже бывают представлены... а вот эти три шиллинга прячутся от меня уже который год.

В глубине души Агнесс сомневалась, что ее отец, спившийся художник, хоть каким-то боком относился к почтенной категории джентри, впрочем, весьма расплывчатой.

– Разве я сойду за дворянку? Вот если бы я была дочерью офицера, банкира или священника – тогда да... Или женой священника, – ввернула она. – Тоже считается.

Намек получился тяжелым, как пушечное ядро, но мистер Линден стряхнул его одним пожатием плеч. А может, и вовсе не заметил, уж слишком был погружен в расчеты. Агнесс понадеялась на последнее. Проситься под венец недостойно леди.

Но что делать? Не ждать же 1844 года, который выдастся високосным, когда женщинам по обычаю позволено делать предложение первыми... Хотя, согласно другой традиции, мужчина имеет право откупиться от чересчур ретивой кандидатки в супруги.

– Вздор! Ты внучатая племянница графа, это дорогого стоит. Пусть королева только попробует тебя не принять! Иначе...

– Иначе?

– Я разберу Сент-Джеймс по кирпичу и сложу обратно в хаотичном порядке, – пригрозил мистер Линден.

По недоброму свету в его глазах – точно огоньки вспыхнули посреди топи – Агнесс поняла, что свою угрозу он выполнит. Ей стало не по себе, как и всякий раз, когда она осознавала его истинную природу. Его народ – фейри зимы, злые фейри, те, что заточают смертных в башнях из хрусталя. Миссис Крэгмор, бывшая нянька Джеймса, а ныне экономка, как-то раз спела ей такую балладу. Хотя и не сказала, что песня о них, о его народе, но Агнесс сама догадалась.

Порою ей казалось, что она поднесла к леднику свечку в тщетной попытке его растопить.

Перемена ее настроения не укрылась от Джеймса. Он отошел от конторки и, наклонившись к ней, взял ее за плечи, но осторожно, чтобы не измять голубой шелк ее платья.

– Не тревожься, девочка, ты повеселишься на славу. У тебя будет своя ложа в опере, твой будуар завалят приглашениями на балы, а по утрам ты будешь скакать по Гайд-парку...

– ...и падать из седла, точно куль с яблоками, – буркнула Агнесс. – Не все же такие хорошие наездницы, как...

Тут она неловко замолчала. В молчании как раз и крылась причина, по которой она не стремилась в Лондон, пусть и во время блистательного Сезона.

После того как их дружба оборвалась преждевременно и так неудачно, в столицу уехала леди Мелфорд. Там она пребывала по сей день. Агнесс же была уверена, что если они окажутся в Лондоне одновременно, то обязательно встретятся. Судьба переплетет их дороги, как вышивальщица яркие нити, потому что тогда они не договорили. Единственное спасение – никуда не ехать.

Трудно поверить, что когда-то Джеймс штрафовал ее за каждое упоминание леди Мелфорд якобы для того, чтобы отвести ее от знакомства со знатной дамой. Теперь же Агнесс сама опасалась произносить ее имя. Один его звук воскрешал в памяти тот рассвет. Вот она дрожит у позорного столба, а Лавиния, как безумная, направляет на нее револьвер, но появляется Джеймс, и все вокруг замирает. А он склоняется перед Лавинией и целует ей руку, благоговейно, словно паломник прикладывает к святой реликвии. Так ее целует, как будто все еще любит.

– Кстати, о Лондоне, – Агнесс выдавила улыбку и похлопала себя по карману. – Вам пришли письма.

Почту и газеты свозили в трактир «Королевская голова», откуда их потом разбирали горожане. Из пастората за письмами посылали конюха Диггори, чем он гордился, считая себя кем-то вроде королевского герольда, так что отвоевать у него эту должность было нелегко. Но Агнесс отвоевала. Путем несложных умозаключений она поняла, почему Джеймс за столько лет не получил от нее ни одного письма, включая и то последнее, в котором она известила его о своем приезде. Нет, больше Лавиния не прочтет ни одного ее письма. Два раза в неделю Агнесс приходила в трактир, чтобы забрать письма и свежий выпуск «Йорк Геральд». Развязывая почтовую суму, трактирщик Кеббак пристыженно отводил глаза, но Агнесс его не винила. Речи леди Мелфорд сладки, как липовый мед, но если понадобится, она размажет мед по острию клинка.

Сегодня писем пришло два: из Итонского колледжа, где заканчивал обучение кузен Чарльз, и от какого-то лондонского господина, чье имя и адрес ничего Агнесс не говорили. Первое было скреплено черным сургучом, второе щеголяло золотистой облаткой, а края слиплись от воска – для пушей надежности, чтобы никто не отогнул и не прочел, что там внутри.

Мистер Линден взял оба и недоуменно приподнял бровь.

– Начинайте с Итона! – ободрила его Агнесс. – Верно, кузен Чарльз опять взял приз за латинский стих.

– Или измолотил кого-то крикетной битой, – проговорил священник, надламывая сургуч.

Он пробежал глазами по строчкам, выискивая упоминания приза или же описание травмы, как вдруг со свистом втянул воздух. Рухнул на стул рядом с Агнесс и, прищурившись, перечитал послание. Скомкал его судорожно. Вновь расправил и перечел в третий раз, вглядываясь в каждое слово. Затем, глухо протонав, обрушил кулаки на стол, да так яростно, что чашка Агнесс подскочила.

На скатерть не выплеснулось ни капли, но в чашке что-то задрезжалось.

– Что случилось, сэр?

– Сама прочти, – и Джеймс сунул ей письмо. – Быть может, ты истолкуешь смысл написанного как-то иначе. Или скажешь, что мне всё пригрезилось.

Агнесс расправила скомканную бумагу, взяла двумя пальцами и поднесла к глазам:

Дорогой сэр,

с прискорбием вынужден сообщить вам, что сего дня ваш племянник Чарльз Линден был с позором исключен из Итонского колледжа за совокупность проступков, отягощенных вызывающим поведением и неподчинением приказу директора. Отныне бремя ответственности за него ложится всецело на ваши плечи, в связи с чем не могу не выразить вам свои глубочайшие соболезнования. Если пожелаете, я готов прислать вам итонские розги, с которыми ваш племянник свел более чем тесное знакомство, дабы они послужили для его дальнейшего вразумления. Смее надеяться, что вы одержите победу на том поле, на котором потерпел поражение я. Ваш искренний доброжелатель,

Э. К. Хоутри, директор.

1 ноября 1842 года.

Тут ей стало понятно, что же так разгневало Джеймса. За Чарльзом Линденом водилось немало шалостей, но призы за сочинения на латыни он выигрывал так часто, что изьяснялся на ней лучше древних римлян. Агнесс гордилась умницей-кузеном, да и Джеймс им гордился, хотя был скуп на похвалу. И тут такой удар! «Изгнан с позором». Что он натворил?

Она так и не додумала эту мысль, потому что вскрикнула от неожиданности. Скатерть, на которую Агнесс, забывшись, поставила локти, взмыла вверх, как от порыва ветра. Впереди, подгоняемые хлопками тяжелого полотна, неслись чашки с блюдами, пузатый заварочный чайник и расписной молочник в виде коровы. Из рта коровы хлынуло молоко и тут же замерзло, распавшись на ледяные бисеринки.

Джеймс добрался до второго письма.

Не спрашивая разрешения, Агнесс выхватила клочок бумаги и начала читать. Аккуратные, как по линейке написанные строки замелькали у нее перед глазами, сливаясь в неразборчивую рябь.

Достопочтенный сэр,

я льщу себе надеждой, что в моих словах вы не найдете и тени оскорбительных подозрений. Написать же вам меня вынуждают обстоятельства. Суть их в том, что ваш племянник Чарльз Линден, одиннадцатый граф Линден, оказал мне честь, сняв меблированную квартиру по адресу Риджент-стрит, 249, над лавкой траурных товаров «Джея и Ко». Не могу выразить, как мне льстит доверие его сиятельства. Однако при личной встрече с лордом Линденом я не мог не отметить, что он совсем еще юн, чтобы не сказать дитя. Словом, его сиятельство пребывает в том возрасте, когда доходы всецело зависят от бла-

горасположения опекунов. Мне же, в свою очередь, не хотелось бы входить в такие расходы, чтобы не сказать разорение, из-за неплатежеспособности жильца, при всем к нему безграничном уважении. Посему спрошу вас без обиняков, сэр: расположены ли вы к своему племяннику и могу ли я рассчитывать на получение ренты (260 фунтов в год) в полном ее объеме?

*Ваш покорный слуга, Томас Рэкрент.
3 ноября 1842 года.*

Мистер Линден хрустнул костяшками пальцев.

– Это все, что мы получили? – осведомился он, поднимая упавший стул.

– Я перерыла почтовую суму до самого доньшка.

– Первое письмо написано неделю назад. За это время Чарльз успел бы поставить меня в известность об этих переменах, пусть и столь незначительных. Если бы ему было, чем оправдаться.

– Вдруг он не успел написать? Не собрался с мыслями?

– Что ж, собраться с мыслями ему поможет хорошая порка.

Агнесс хотела возразить, но ей помешало шарканье шагов. В дверях показалась охапка спутанных гирлянд из остролиста, которые торжественно, как камердинер парадный фрак, нес на вытянутых руках мистер Джеремайя Джессоп, помощник священника.

– Мне пришлось снять сии декорации, сэр, дабы соки древ не пятнали белизну колонн, – отчитался он перед старшим по званию, а перед Агнесс согнулся в три погибели. – Как это благодатно с вашей стороны, мисс Тревельян, украсить наш храм ко Дню Всех Святых. Все, к чему ни прикоснется ваша десница, преображается.

Из-за привычки умиленно шуриться его ясные глаза окружала сеточка ранних морщин, терявшаяся в белокурых перышках, напомаженных и тщательно уложенных на висках. Только вялый, почти слившийся с шеей подбородок портил внешность младшего пастора, но мистер Джессоп придавал ему внушительную форму посредством туго затянутого воротничка. После манипуляций с воротничком подбородок выпирал, подобно могучему утесу, и красный в синеву цвет щек был малой ценой за такое великолепие.

– До моих ушей донесся престранный звук, и я пришел справиться, все ли у вас благополучно.

– Все хорошо, – заверила его Агнесс. – Мы просто... мы чай пьем.

– Чай? Не смею сомневаться в ваших словах, мисс... но где же чай?

Как Джессоп ни вытягивал шею из-за гирлянд, точно выпь из камышовых зарослей, но чайных приборов на столе не заметил. Точнее, не узрел.

– Его здесь нет. В том-то и дело, Джессоп, что чая здесь нет. Если англичанин приготовился вкусить чаю и нашел стол возмутительно пустым, едва ли он заслуживает осуждения за скорбный вопль, – проговорил ректор, барабаня по пустому столу.

– Я почел бы за честь разжечь огонь и приготовить сей животворящий напиток для вас и мисс Тревельян.

Агнесс стрельнула глазами вверх. Из чашки выскользнула льдинка приятного золотистого цвета. Она носилась взад-вперед под потолком, словно крошечная комета, разгоняя созвездия молочных капель. В этом зрелище была своя красота, но Агнесс не смела наслаждаться ею слишком уж долго. Если мистер Джессоп заметит...

Но младший пастор не принадлежал к любителям задираТЬ голову. Там, наверху, не таилось для него ничего интересного. Его потребность в божественном ограничивалась молитвенником и слоем шиллингов на дне в корзине для пожертвований.

Если мистер Джессоп и напоминал ей пивяку, выбравшую местом обитания бутылку с постным маслом, Агнесс держала свое мнение при себе. Ректору полагается иметь помощ-

ника, а практикующему экзорцисту – и подавно. А мистер Джессоп был помощник что надо: услужлив, лишних вопросов не задает, а все старые девы без ума от «душки-пастора».

И все-таки каждый раз, когда по ней скользили его масляные глазки, Агнесс хотелось протереть лицо уксусом.

– Чаю не потребуется, Джессоп, но вы можете оказать мне иную услугу. В Лондоне у меня возникли дела, не терпящие отлагательств.

– У нас, – поправила его Агнесс. – У нас возникли такие дела.

– Я уезжаю завтра поутру...

– Мы уезжаем!

– А время возвращения мне пока что неизвестно.

– Нам.

– Надеюсь, что надолго не задержусь, но как знать, – мистер Линден обращался исключительно к помощнику, оставив все ее поправки за скобками своего внимания. – Придется вам отслужить вместо меня воскресную службу. В это воскресенье совершенно точно, но, может статься, и до Рождества будете меня замещать.

От нахлынувших чувств младший пастор чуть не уронил свою ношу.

– Ах, мистер Линден! Я не подведу вас, даже если горы запрыгают, как овны, и холмы, как агнцы...

– Подготовка к сбору десятин тоже на вас. Нужные бумаги там. Справитесь?

– Почту за честь, сэр, почту за честь, – закивал Джессоп и умиленно посмотрел на Агнесс. – Смею ли я надеяться, что после вашего отъезда мисс Тревельян уделит мне свое драгоценное время, дабы выбрать вместе со мной гимны для воскресной школы...

– Нет!!!

Оба мужчины вздрогнули.

– То есть просто нет, – уже спокойнее сказала Агнесс. – Мисс Тревельян тоже едет в Лондон.